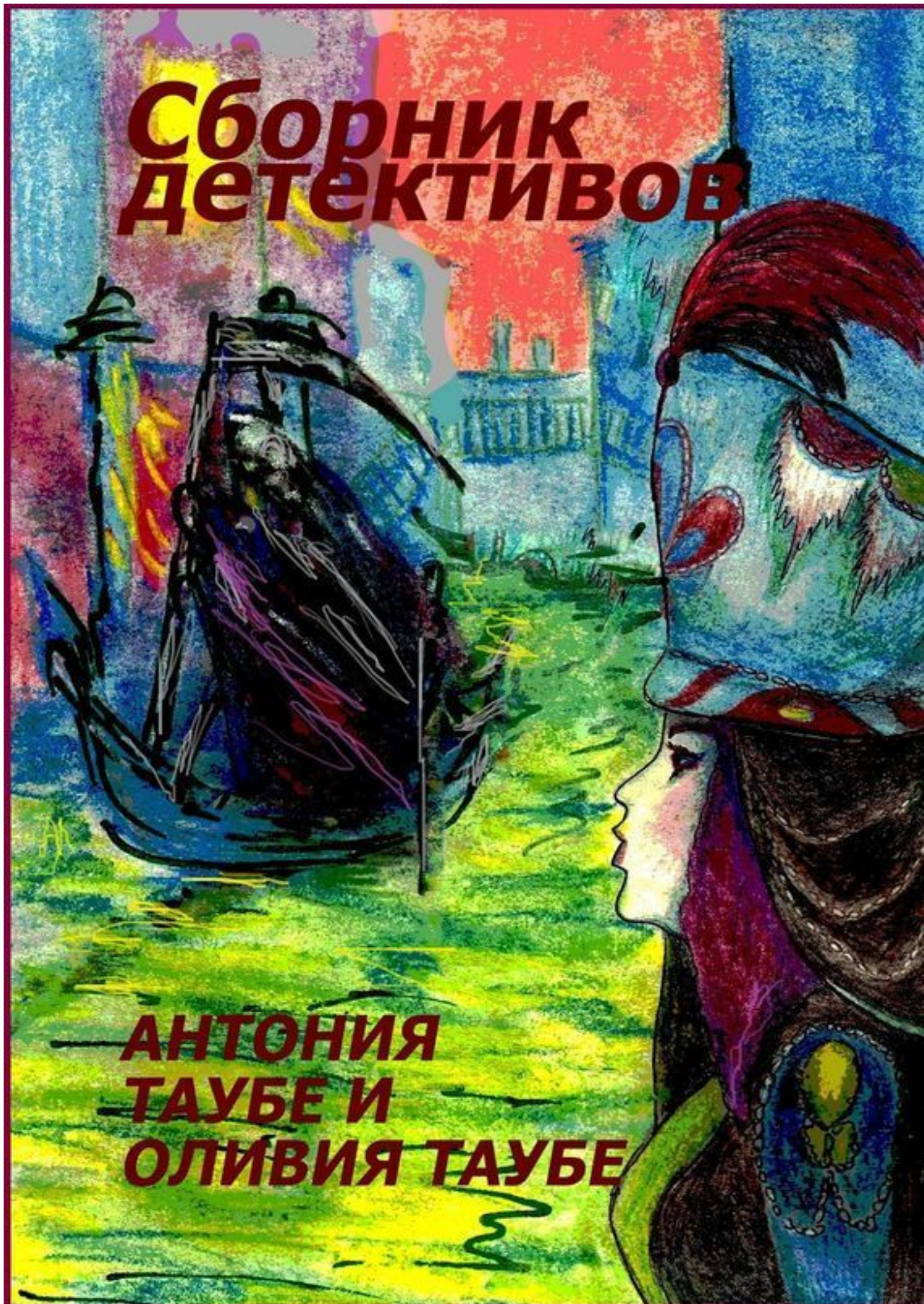

Сборник детективов

**АНТОНΙΑ
ТАУБЕ И
ОЛИВИЯ ТАУБЕ**

Антония Таубе

Сборник детективов

«Издательские решения»

Таубе А.

Сборник детективов / А. Таубе — «Издательские решения»,

Погрузитесь в мир викторианской Англии, когда преступления рождались вместе с религией и лишь изредка дается возможность увидеть картину жизни, быстро уходящую в глубину веков. Погрузитесь в мир венецианского карнавала, где всегда царит тайна маски и нельзя узнать, кто за ней, ибо это недоказуемо, ибо это прелесть карнавала.

© Таубе А.

© Издательские решения

Содержание

Похищение церковной святыни	6
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сборник детективов

Антония Таубе

Оливия Таубе

«Видите ли, у меня довольно редкая профессия. Я допускаю, что я единственный в мире. Я – детектив – консультант, если только вы понимаете, что это такое. У нас в Лондоне множество правительственных детективов и множество частных. Когда эти парни становятся в тупик, они приходят ко мне, и мне удаётся направить их по верному следу».

***Всеукраинское детективно-коллекторское
агентство «Один» про Игнатиуса Пола Поллаки,
статья «Частные детективы».***

© Антония Таубе, 2016

© Оливия Таубе, 2016

© Оливия Таубе, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Похищение церковной святыни

Расследование И. П. Поллаки

Англия, 1862 год

Утро было мягким, тёплым и обещало Лондону хороший солнечный день. И в этот ранний час Игнатиус Пол Поллаки, один из лучших детективов Лондона, как обычно пришел на службу в «Частное континентальное сыскное бюро», основанное им же ровно год назад. К этому времени у него за плечами был уже большой опыт работы на этом поприще, накопленный им за десять лет детективной деятельности. Когда-то он в качестве рядового сотрудника принимал участие в частных расследованиях, затем в течение десяти лет возглавлял иностранный отдел в широко известном сыском агентстве Филда. А потом решил открыть собственное дело, – и вот результат! Недостатка в клиентах не было! Даже несмотря на то, что он был детектив-иностранец.

Но, тем не менее, Поллаки регулярно давал объявления в газеты, постоянно напоминая о себе. Да и вообще он любил периодические издания, так как постоянно размещал в разделах частных объявлений информацию о ведущемся очередном расследовании, или запросы о розыске пропавших людей и вещей.

Вот и сейчас, – он развернул утреннюю газету и быстро отыскал глазами своё объявление, которое выглядело весьма внушительным образом:

«ЧАСТНАЯ СЫСКНАЯ КОНТОРА, ПОКРОВИТЕЛЬСТВУЕМАЯ АРИСТОКРАТИЕЙ, И ПОД ЕДИНОЛИЧНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ САМОГО МИСТЕРА ПОЛЛАКИ. СВЯЗИ КАК С БРИТАНСКОЙ, ТАК И С ИНОСТРАННОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ ПОЛИЦИЕЙ.»

Он продолжал внимательно изучать газету, когда пришёл почтальон и принёс довольно увесистую пачку писем. Быстрыми привычными движениями перебирал Поллаки полученные письма, при этом некоторые из них откладывая в сторону, некоторые бегло просматривая сразу. Но вот взгляд его остановился на знакомом почерке, он взял это письмо, сел в кресло и углубился в чтение.

Письмо было от полицейского следователя Джона Уизли Осборна, с которым Поллаки уже не раз имел дело и которого очень уважал. Сейчас Уизли просил проконсультировать его по очень странному вопросу. А именно: речь шла об убийстве маленького ребёнка, пропавшего месяц назад, но обнаруженного только вчера в старом склепе на одном из кладбищ Лондона.

Конечно, убийство детей не было редкостью, и смерть одного ребёнка не являлась чем-то исключительным. Но в данном случае следователь не мог считать эту смерть бытовым происшествием, так как двухлетний ребёнок был убит ножом в сердце и, судя по характеру ножевого ранения, – истекал кровью, но следов крови рядом с детским трупом не было. Его тело было аккуратно завернуто в какую-то простынку. Подумать только, – какая заботливость! От этой мысли Поллаки передёрнуло, – у него самого были дети, и поэтому все преступления, направленные против детей, он воспринимал особо болезненно. Тело ребёнка было совершенно случайно найдено в полуразрушенном старом склепе детьми, игравшими в военные сражения.

Склеп этот принадлежал давно угасшему роду и не имел никакого отношения к семье убитого мальчика, даже косвенно. Последние двадцать лет склепом уже никто не пользовался, хотя замок на входной двери был навешан новый, что говорило о том, что совсем недавно в него кто-то входил и не хотел, чтобы об этом знал кто-нибудь посторонний. Замок пришлось, конечно, взломать... Кладбищенский сторож ничего не мог сказать по поводу страшной находки: он ничего не видел, ничего не слышал и ничего об этом не знает. Скорее всего, это ритуальное убийство. И если это именно так и есть, то преступления будут продолжаться, а число жертв будет увеличиваться. Инспектор Уизли просил совета и помощи в этом деле.

Какое совпадение! Поллаки только что прочитал об этой страшной находке в утренней газете, – и тут же получил это письмо. Сыщик задумался. Итак, сведения об убитом ребёнке попали в газеты, значит – совсем скоро про это станет известно всем, в том числе и похитителям ребёнка. С Уизли Осборном Поллаки был полностью согласен в том, что смерть младенца очень напоминала ритуальное убийство. Хотя это, конечно, нужно было ещё доказать. Да и обнаружено тело было абсолютно случайно. Мальчишки играли в военное сражение, выбрав местом для игры руины разрушенного монастыря. Там-то они и обнаружили едва заметную, маленькую прогнившую дверь, за которой находился длинный туннель. А мальчишки, как известно, народ любопытный, – поэтому они сразу же решили немедленно этот туннель исследовать.

Дети вошли в мрачный таинственный подземный ход и через какое-то время оказались в его противоположном конце, в котором тоже была точно такая же неприметная полустгнившая дверь, как и та, через которую они сюда попали. Правда, на двери висел замок, но под дружным натиском полуистлевшая древесина не устояла, и мальчикам практически беспрепятственно удалось проникнуть внутрь. Именно эта дверь вела в склеп, в котором ребята и обнаружили свою ужасную находку! Но когда они увидели, *что* нашли, то пульей вылетели из этого затхлого склепа и понеслись назад, ни на что больше не глядя по сторонам! И про сражение сразу напрочь забыли! Обо всём этом мальчишки, конечно же, немедленно сообщили в полицию. А труп ребёнка был опознан несчастными родителями. Вот и всё, что было известно следствию на данный момент. Однако это убийство могло быть и не ритуальным. Поллаки опять задумался.

На дворе стоит девятнадцатый век, век технического прогресса и расцвета всех наук и искусств! Так почему же при всём этом так сильно захлестнуло людей повальное увлечение колдовством и магией? Причём, повсеместно, – что на континенте, что здесь, в Британии. И зачастую это были не какие-нибудь невинные гадания, а жестокие страшные обряды с кровавыми жертвоприношениями. За долгие годы расследований Поллаки не раз приходилось сталкиваться с подобными делами. Перед его взором стояло огромное количество задушенных и обескровленных кошек, куриц, собак, крыс и прочих животных и птиц, приносимых в жертву разным злым духам в обмен на призрачное счастье. Видимо, дошла очередь и до детей. Мысленно он опять вернулся к совершённому преступлению и живо представил себе, как двое маленьких друзей пробираются в этот старый туннель, отчаянно боясь, но не сознавая в этом друг другу, и не думая о том, что свод туннеля в любой момент может обрушиться и они окажутся погребёнными заживо. Откуда такая смелость? Хотя, это, пожалуй, не смелость – в понимании этого слова взрослым человеком, а скорее дело в том, что детям не ведомо чувство страха. И до невозможности любопытно! А если и бывает страшно, то любопытство всегда сильнее страха. Да, это свойственно детям десятилетнего возраста!

Поллаки решил сам поговорить с детьми сегодня же вечером. А день он решил посветить осмотру склепа, а если понадобится – то и тоннеля, и прилегающей кладбищенской территории. Он быстро написал коротенькую записку следователю и отправил с ней своего посыльного. Примерно через час посыльный вернулся с ответом, в котором сообщались адреса всех людей, фигурирующих в этом деле.

Мистер Поллаки поспешил завершить по возможности все текущие дела: просмотрел всю почту, написал ответы по делам, не терпящим отлагательства, дал кое-какие указания своему секретарю и, не теряя времени, отправился напрямик на монастырское кладбище. Он хотел лично осмотреть склеп, но для начала решил добираться до него не через подземный ход, а обычным путём, – по кладбищенским дорожкам. Кладбище было очень старым, но, тем не менее, всё ещё действующим, и его входные двухстворчатые ворота в это время дня были открыты для свободного посещения.

Он шёл, по многолетней привычке – зорко замечая всё вокруг. Неожиданно взгляд Поллаки упал на совсем свежую маленькую могилу. Краткая надпись на надгробной плите гласила: Роберт Трантер, 15 мая 1860 года – 9 июня 1862 года. Да-а-а.. Всевышний призывает маленьких детей... Тут же пришла мимолётная мысль о том, что по воле случая маленький Роберт оказался похоронен на том же кладбище, на котором было найдено в заброшенном склепе его обескровленное тельце...

Ну вот, наконец, и склеп! Его полу-обвалившиеся стены почти полностью утонули в непроходимых зарослях плюща, и тропинка к нему давно заросла разными травами и кустами терновника, хотя кое-где кусты были совсем недавно вырублены. С трудом добрался Поллаки до входа в склеп. Что и говорить, – зрелище было весьма неприглядным! Позеленевшие от времени осыпающиеся кирпичные стены почти сплошь были покрыты мхом и плесенью. Правда, на покосившейся двери висел новый замок, что было весьма удивительно!

Действительно, лучшего места для сокрытия трупа и не придумаешь! Интересно, каким образом проник сюда убийца: через тоннель или через кладбище? Впрочем, оставим это на потом. Сейчас есть дела поважнее. Для такого специалиста, как Поллаки, навесной замок не представляет собой серьёзного препятствия, и потому уже совсем скоро сыщик находился внутри склепа баронов Барлетт. Кроме самого барона тут покоились с миром его супруга Ада Шарлотта Барлетт и трое их детей: дочь Изабелла Виктория, 1782 – 1812, сын Вильям Джеймс, 1784 – 1842, и дочь Джесси Элизабет, 1785 – 1853.

...Ещё раз окинув напоследок весь склеп внимательным взглядом, Игнатиус Поллаки отправился искать первого свидетеля ужасной находки. Сыщик даже несколько не удивился, узнав, что оба мальчика проживали на улице Холливел. Она находилась в печально известном районе, заселённом бедняками и снискавшем самую плохую славу. Даже днём там было ходить небезопасно! Узкие непроходимые улицы, деревянные покосившиеся постройки, ужасно ветхие и грязные, – люди там не жили, а гнездились, как мыши. Все первые этажи были сплошь забиты торговыми лавчонками со всякой всячиной. А уж сколько там совершалось преступных сделок!

Наконец Поллаки нашёл нужный адрес. Семья Хорсни из трёх человек проживала в мансарде ветхого шаткого дома, с угрозой обвала крыши в любую минуту. Одиннадцатилетний мальчуган с живыми карими глазёнками, Эдвард Хорсни, работал на первом этаже этого же дома, помогая старому еврею – букинисту продавать книги и разбирая в магазинчике весь второсортный хлам. Эдвард был весьма энергичным и любознательным малым, поэтому довольно быстро выучился грамоте и с удовольствием читал всё, что попадалось под руку. Увидев входящего в магазин посетителя, мальчик оживился и моментально поинтересовался целью его визита. Мистер Поллаки представился. Сразу же откуда-то из глубины этого склада-магазина вышел шаркающей походкой и хозяин-букинист. Поллаки вежливо попросил разрешения побеседовать с его юным помощником, хозяин кивнул ему в знак согласия, и Поллаки поднялся с мальчиком наверх, в мансарду.

Там в глаза Игнатиусу бросилась ужасающая бедность, и от жалости к малышу у него даже сердце защемило. Он сразу же вспомнил своё голодное нищенское детство – в городке Прессбург, на границе Венгрии и Австрии...

Единственной радостью Эдварда были старые книги, которые он брал читать у хозяина. А единственной его собственностью была картонная коробка, в которую он складывал своё нехитрое «богатство», – красочные рекламы, красивые камешки, сломанный перочинный ножик и прочие побрякушки, дорогие мальчишескому сердцу. Родителей дома не оказалось, что в данном случае было к лучшему, и Поллаки приступил к расспросам.

– Эдвард, как ты решился пойти играть в такое странное место, как руины монастыря? Ведь ты понимаешь, что это небезопасно?

– Мистер Поллаки, я и не собирался там играть! Это потом мы с другом играли, а сначала мы хотели найти драгоценности!

– А с чего ты решил, что там могут быть какие-то драгоценности?

– Вот, сэр, посмотрите! Я нашёл эту книжку – обратите внимание, сэр, очень старое издание! В ней я вычитал, что последняя из древнего рода, баронесса Ада Шарлотта Барлетт, была захоронена во всех своих драгоценностях. А их, сэр, было очень не мало! С тех пор больше никто этот склеп не открывал. А в другом издании я вычитал, что под монастырём прорыты были потайные ходы, которые вели к определённым местам, в том числе и в разные склепы. Вот я и пошёл туда, – захотелось проверить, правда это, или нет. А чтобы не страшно было, позвал с собой друга, Самуэля Косборна. Он согласился, потому что ему тоже драгоценности не помешали бы. Мы забрались туда и сначала заигрались, а потом я эту дверь случайно увидел. Она уже сгнила вся и раскрошилась на щепки, как только мы на неё покрепче нажали. За дверью оказался ещё один ход, только немного поуже, да и стены в нём во многих местах осыпались. Нам, конечно, сразу же захотелось этот коридор исследовать. Ведь интересно было узнать, куда он ведёт!

На следующий день мы запаслись свечами и опять вернулись туда. Добравшись до конца этого хода, – он оказался не очень длинным, – мы упёрлись в другую дверь, такую же старую и трухлявую. Там, правда, замок висел, но он вместе с дверью вывалился, стоило только толкнуть посильнее. Мы зашли туда, и сразу поняли, что это склеп, так как везде стояли какие-то заржавленные облезлые гробы и больше ничего интересного. Но, присмотревшись, я увидел рядом с одним гробом небольшой свёрток, – мне показалось, что вроде как в простыню что-то завернуто. Мы с Самуэлем подошли и тихонько потянули за край. А как свёрток развернулся, мы и увидели, что это ребёнок. Вот сердце-то ёкнуло! Больше мы там трогать ничего не стали, а поспешили уйти оттуда. Дома я, конечно, всё рассказал родителям. Ну а дальше Вы и сами всё знаете...

Мальчуган пожал плечами, что означало – всё, рассказывать больше нечего! Поллаки с сожалением подумал о несбывшейся детской мечте: Эдварду так хотелось найти сокровища, – и какой страшной находкой увенчался этот первый поисковый опыт!

– Скажи, Эдвард, сколько лет твоему другу?

– Двенадцать, сэр. Самуэль Косборн старше меня на год. Он по соседству живёт, здесь недалеко! У него есть старший брат Генри. Он работает подмастерьем у плотника и тоже живёт с родителями.

Поллаки задал ещё несколько вопросов и понял, что картина, в общем-то, ясна, и поднялся со стула. Но как знать, как знать... – может быть, любознательность этого сообразительного мальчугана окажется очень кстати!

– Эдвард, и последний вопрос: постарайся вспомнить, – когда ты исследовал подземный ход, в нём были хоть какие-нибудь следы недавнего пребывания там кого-либо?

– Нет, сэр, никаких. Ничего такого я не заметил!

Значит, преступник вошёл туда через кладбище, взломав старый замок. Но зачем в таком случае ему понадобилось навешивать на заброшенный склеп новый замок? Для чего? Или – от кого? Ладно, с этим будем разбираться по ходу дела...

Поллаки засобиравшись уходить и, уже находясь у двери, обернулся к мальчику:

– Ты очень наблюдательный человек, Эдвард! Я хочу тебя попросить: если ты заметишь или вспомнишь что-то необычное, то сразу же сообщи мне. Конечно, за вознаграждение. Об этом не беспокойся!

– Я всё понял, сэр, – заулыбался мальчишка. – Сообщу вам всё, что мне станет известно!

– Ну, вот и договорились!

Мистер Поллаки, распрощавшись с Эдвардом, спустился вниз и вышел из дома. Не торопясь пошёл он по Холливелстрит, мысленно подводя итоги дня. Итоги эти его, в общем-то, не радовали. Поллаки всегда был очень чувствителен к убийствам, особенно несправедливым и подчас даже – абсурдным! Он переживал за каждого убитого человека и каждый раз всем сердцем желал найти виновного в столь чудовищном преступлении! За все годы работы перед глазами Поллаки прошло много погибших людей, но сердце его не очерствело и по-прежнему отзывалось болью на каждую чужую смерть.

Однако, несмотря на все усилия полиции и частных сыщиков, количество нераскрытых преступлений всё равно оставалось высоким, что очень тяготило Игнатиуса. Да к тому же в общественном сознании – детская смертность и вовсе считалась обыденным случаем, таким же, как и продажа жён их собственными мужьями! Какая дремучая дикость!..

Снова и снова Поллаки задавал себе вопрос: что же всё-таки кажется ему таким странным и необычным в этом убийстве двухлетнего ребёнка? Предположения в голову приходили самые разные, но за нужную ниточку ухватиться никак не удавалось. Но вот, наконец, одна мысль стала чётко оформляться. Да, без сомнения, – это преступление было ритуальным! Совершенно бесспорно, что это дело рук какой-нибудь секты. Уж очень это убийство напоминает так называемую чёрную мессу, когда в своём стремлении угодить силам зла участники обряда используют кровь невинных младенцев. Хотя после такой жуткой процедуры, они, как правило, быстро и бесследно избавляются от трупа. С чего бы это вдруг кому-то понадобилось аккуратно, почти заботливо, упаковать тельце ребёнка и захоронить его в заброшенном склепе давно угасшего рода? Кому так безразлично было это погребение? Похоже на сочувствие и жалость. Хотя, навряд ли... Но исполнитель – по-прежнему равно оставался безликим существом. Пока, во всяком случае. До поры, до времени. Мистер Поллаки попытался представить себе всю процедуру чёрной мессы: как правило – все участники присутствуют на сборище в масках, для того, чтобы каждый был обезличен, чтобы никого нельзя было опознать. Следовательно, был человек, для которого убийство ребёнка оказалось полной неожиданностью. Конечно, могут быть и другие версии, но эта казалась Поллаки наиболее вероятной. Скорее всего, этот человек и похоронил ребёнка тайком от других, надеясь, что все остальные «соратники» эту правду всё равно не узнают.

Но пока что это всё – только домыслы. Ни одной зацепки! И всё же обострённое чутьё сыщика подсказывало ему, что искать истину нужно на кладбище. Только там можно будет отыскать хоть какие-то следы! Хотя всё может оказаться простым совпадением, а для дальнейших действий требуются неопровержимые факты. Игнатиус воспроизвёл в памяти весь разговор с юным Эдвардом и тот восторг, с которым мальчик говорил о старых букинистических изданиях. При этом Поллаки прямо-таки удручала мысль о том, что на Холливелстрит в огромном количестве продают такую разносортную литературу, многое из которой уже давно пора запретить для свободной продажи.

– Потому что это – источник убийственной духовной заразы, – подытожил свои размышления Пол Поллаки.

Мысли неотвязно крутились вокруг всех событий последних дней, но найти рациональное зерно никак не удавалось! Уж, казалось, вот-вот и оформится в голове нечто нужное, но – тут же что-то важное всё равно ускользало, и очередное выстроенное предположение рушилось в прах! Тогда Поллаки решил взяться за дело с другой стороны – он надумал внимательно пересмотреть все ежедневные газеты за последние два месяца и заодно навести все справки о служащих церкви, находящейся на территории кладбища.

Мистер Поллаки сам являлся корреспондентом «Иностранной полицейской газеты», – поэтому к печатным изданиям относился очень трепетно и питал большие надежды на то, что ему удастся выудить из них ценную информацию! Приняв это решение, сыщик известил о нём полицейского следователя и немедленно приступил к делу.

К концу следующего дня ему уже было всё известно обо всех служащих церкви, начиная с епископа и заканчивая церковным сторожем. Никто из них ни разу не привлекался даже за малейшее нарушение закона! Поллаки снова и снова внимательно просматривал список всех служащих и делал в своём рабочем блокноте пометки для предстоящего разговора с ними.

Но не успел Поллаки отправиться за сбором новой информации, как получил новое сообщение из полиции. В нём сообщалось, что минувшей ночью из известной ему церкви были похищены бесценные святыни Святого Павла и что этой же ночью перед воротами кладбища был обнаружен убитым молодой Генри Косборн. Предположительно, с целью ограбления он спрятался в церкви с вечера, ночью спокойно взял ценности и выбрался на крышу, чтобы незаметно скрыться. Но сорвался и упал, получив при этом перелом левой ноги. Но всё же, несмотря на это, ему удалось проползти всё расстояние от церкви до ограды, где его и застрелили прямым попаданием в сердце. После этого убийца поспешно скрылся, забрав у Генри похищенные ценности.

Пол Поллаки сразу же вспомнил про старшего брата предприимчивого соседа маленького Эдварда и стремление детей заполучить сокровища. Неужели Эдвард тоже замешан в убийстве? Нет, не может быть! Поллаки сразу отогнал от себя эту мысль. Нет! Он чувствовал, что Эдвард не виновен и не имеет отношения ни к краже, ни к убийствам. Но всё же, тем не менее, Генри Косборн был его ближайшим соседом и старшим братом лучшего друга, так что Эдвард, вполне вероятно, мог что-то знать. Хотя, если рассуждать логически, Генри был намного старше и вряд ли откровенничал о своих делах с младшим братом и его друзьями. Обычно старшие братья младших даже всерьёз не воспринимают, и делиться с ними важными тайнами уж точно не будут! Хотя надо будет это проверить – ведь изредка случается между братьями тесная дружба. Вдруг здесь окажется именно такой случай? Поллаки давным-давно уяснил для себя, что в расследовании нельзя пренебрегать ни единой мелочью!

Быстро собравшись, Поллаки вышел из агентства. Очень кстати на обочине оказался порожний кэб! Игнатиус подозвал извозчика и в первую очередь поспешил не в церковь, а на Холливелстрит. На этот раз он застал дома оба семейства, и оба были в трауре. Женщины – с заплаканными глазами, мужчины – хмурые и серьёзные, – все готовились к предстоящим похоронам. А притихшие друзья, Эдвард и Самуэль, с растерянным видом сидели на каких-то ящиках около букинистической лавки и тихонько переговаривались между собой.

Эдвард, увидев Поллаки, очень обрадовался, и вся его мордашка осветилась неподдельной улыбкой, а вот Самуэль смотрел на сыщика весьма настороженно. Было заметно, что весь он при этом внутренне напрягся. Это, конечно же, не укрылось от внимания Поллаки, и он отметил про себя, что Самуэль вероятнее всего посвящён в тайну исчезновения церковной святыни. Во всяком случае – что-нибудь знает об этом! Поллаки подошёл к ребятам и сказал Самуэлю несколько слов сочувствия, стараясь расположить мальчика к себе. Однако Самуэль явно не хотел идти на контакт – он ничего не ответил, а только нехотя кивнул незнакомому господину и по-прежнему оставался в своей «скорлупе». На все вопросы мальчик отвечал очень скупой и неохотной, поэтому на сей раз Поллаки быстро прекратил свои расспросы. На мальчишек не следовало давить, как бы ни хотелось Поллаки выяснить все обстоятельства дела побыстрее, и поэтому он решил дождаться для доверительной беседы более благоприятного случая.

Родители Генри и Самуэля оказались старенькой, измождённой, уставшей от жизни парой. Они искренне оплакивали старшего сына, и им совершенно ничего не было известно о причине его смерти. Они даже предположить не могли, кто и за что убил их мальчика, – такого хорошего и заботливого! Так что здесь Поллаки ни чего не удалось выяснить, и больше не стоило отвлекать убитых горем людей. Поэтому, не получив на этот раз никакого резуль-

тата, сыщик ненадолго вернулся в свою контору и решил сегодня же без промедления поехать осмотреть место второго преступления.

Поллаки быстро привёл в порядок все срочные дела и, не теряя времени, отправился на кладбище. Встретил его там священник Вильям Маккан и сразу же повёл показывать место, где была совершена кража. Затем он показал сыщику верёвку, по которой преступник забрался на чердак церкви, – она всё ещё висела там, куда похититель привязал её. Мистер Маккан был очень огорчён случившимся происшествием и выглядел весьма удручённо. И у кого только рука поднялась на такое кощунство?

Забравшись на чердак, мистер Поллаки внимательно всё осмотрел и вышел на крышу, с которой легко можно было перебраться на расположенную чуть ниже крышу пристройки, а затем с неё по водостоку не представляло труда спокойно спуститься на землю, высота здесь была не более двух с половиной метров. К сожалению, утром прошёл небольшой дождь и уничтожил все следы. Но даже невооружённым глазом было видно, что упасть с такой крыши очень трудно. Скорее всего, похитителей было двое, и Генри просто кто-то толкнул с крыши.

Хорошо развитая интуиция Поллаки сразу, как только стало известно о краже, настойчиво указывала сыщику на церковного сторожа, а теперь это подозрение ещё более усилилось. Не могло такое событие обойтись без его участия! И Поллаки сразу направился к домику сторожа, который находился здесь же, неподалёку от церкви. Сторожем оказался медлительный пожилой мужчина по имени Джордж Патнелл. Он, казалось, уже ждал вопросов и как будто был готов к ним, но отвечал очень как-то нехотя, очень сдержанно и осторожно, – без малейшего желания помочь следствию. Ответы его были не то чтобы сбивчивые, но какие-то неопределённые, и сводились к тому, что он уже говорил обо всём этом инспектору полиции. Из отрывочных фраз его скупого рассказа можно было понять, что услышав звук выстрела, он выбежал из своего укрытия и обнаружил уже мёртвого Генри. Он внимательно осмотрел всё место вокруг погибшего, – мало ли, вдруг человек что-то обронил?! Но никаких ценностей при нём не было.

– То есть при нём вообще ничего не было, – поторопился уточнить сторож.

Нет, он никого не видел. Ведь с того момента, как он услышал хлопок револьверного выстрела и пока дошёл до трупа молодого человека, прошло какое-то время. И за это время убийца, конечно, успел скрыться! То же самое Джордж Патнелл говорил и сержантам полиции, хотя раньше них на место происшествия прибыл констебль, которого он сам же и вызвал, как только увидел случившееся.

Вроде бы и вполне правдоподобно выглядели показания Патнелла, но уж слишком подозрительным было всё его поведение! После разговора со сторожем Поллаки ещё больше укрепился в своих подозрениях, – теперь уже он стал серьёзно подозревать сторожа в причастности к ограблению и хотел немедленно обсудить это с Уизли Осборном и начальником полиции.

Но едва он вернулся в свою контору, как сразу увидел ожидавшего его Эдварда Хорсни. У Игнасиуса даже настроение сразу поднялось, ведь неспроста этот малыш заявился сюда! Поллаки тепло поприветствовал мальчика и поинтересовался:

– Ты хочешь мне что-то сообщить, Эдвард?

– Да, сэр. Я хотел рассказать Вам, что мне удалось узнать от Самуэля.

– Говори, Эдвард. Я тебя внимательно слушаю!

– Я узнал, что накануне вечером Генри встречался с какой-то девицей. Имени её Самуэль не знает, но считает, что без неё тут не обошлось. Да, сэр! Самуэль именно так и считает! – ответил Эдвард, сразу обозначив перед знаменитым сыщиком авторитет своего друга.

Он очень переживал из-за того, что в прошлый раз толком-то и не состоялся разговор между мистером Поллаки и Самуэлем, и теперь опасался, что об его друге у мистера Поллаки сложилось неверное представление, вот и хотелось ему сейчас исправить эту ситуацию.

– Отлично, мой мальчик! Ещё что?

– Я не уверен, сэр, что это важно, но Генри рассказывал ему о каких-то странных ценностях. Они вроде бы являются составной частью некоего кристалла жизни, оставленного в дар церкви каким-то давно умершим священником. А вот где находятся другие части этого ценного кристалла, никому не известно. Да и вообще непонятно, что это такое...

Услыхав о церковных драгоценностях, Поллаки весь превратился во внимание:

– Это достоверно?

– Не знаю, сэр. Да только ещё Генри говорил, что священник получил эти бриллианты в дар от какой-то Марии Жозефины Барлетт, принёс их в церковь и в ту же ночь скончался.

Поллаки сразу же отметил про себя уже знакомое имя давно усопших баронов.

– Эдвард, как ты думаешь, – откуда Генри мог знать всё это?

– Думаю, что он узнал обо всём от той девицы, что была с ним.

– Постарайся вспомнить, Эдвард, – тебе о ней больше ничего не известно?

– К сожалению, ничего, сэр. И Самуэлю тоже, сэр!

Значит, сообразительный малыш задавал другу эти же вопросы! Что же, похвально!

Вдруг Эдвард как-то немного замялся, и от острого взгляда Поллаки это не ускользнуло:

– Тебя что-то смущает, Эдвард?

Мальчик смотрел себе под ноги и ответил, не поднимая головы:

– Видите ли, сэр, Вы, конечно, не поверите во всякую чертовщину и всякое там колдовство, но я вот подумал тут о Марии Жозефине Барлетт...

– И какое отношение она может иметь к убийству Генри?

– С одной стороны – никакого, а с другой стороны – я вчера хорошенько поискал в старых книгах о бароне Роберте Генри Барлетт и нашёл кое-что интересное! Оказывается, у него была приёмная дочь Мария Жозефина, которая вела очень затворническую жизнь. Она мало общалась с посторонними людьми, и всё своё время проводила в лаборатории приёмного отца, там они вместе занимались разными научными опытами.

– И что с того?

– Ничего достоверного, сэр, но после смерти старого барона неизвестно куда исчез его дневник наблюдений, где он описывал все опыты и вёл его многие годы.

– А почему это должно быть так важно сейчас? Ведь все они уже давно умерли, да и дневники ведут многие люди.

– В том-то всё и дело, сэр, что Мария Жозефина не умерла!

– Стало быть, она сейчас очень пожилая женщина, и мы можем выяснить, где она в настоящее время проживает, и навестить её.

– Она не старуха, сэр. Все считали, что Мария Жозефина была дочерью самого дьявола, поэтому родной папаша наградил её сверхчеловеческой силой и вечной молодостью! Всё, что о ней было известно, записано приёмным отцом в дневнике, который считается исчезнувшим.

Поллаки посмотрел на Эдварда с некоторым недоумением, стараясь скрыть своё замешательство: он просто не знал, как отреагировать на эти слова стоявшего перед ним ребёнка!

– Хорошо, Эдвард, принеси мне, пожалуйста, эту книгу. Я тоже хочу посмотреть, что там обо всём этом говорится.

– Вот она, сэр, – и довольный своей предусмотрительностью мальчик вытащил из потёртой клеёнчатой сумки чёрную от старости книжку, пожелтевшие страницы которой были обтрёпанными по углам. Тут Поллаки вспомнил об обещанном вознаграждении и торопливо вытащил из кармана свой кошелек. Однако Эдвард, поняв этот жест, твёрдо сказал:

– Сэр, мне не надо давать вознаграждение. Я не из-за денег пришёл. Я очень хочу, чтобы Вы нашли убийцу Генри. Он был замечательный парень и хороший друг. Самуэль ужасно переживает из-за его смерти. Ладно, сэр, я уже пошёл. До свидания, сэр.

– Одну секунду, Эдвард!

– Да, сэр?

– Я попросил бы тебя узнать у Самуэля все подробности последних дней жизни его брата. Постарайся выяснить, – не упоминал ли Генри какие-то новые незнакомые имена, или может быть, называл какие-нибудь улицы, дома или другие места своего пребывания?

– Хорошо, сэр. Я сделаю всё, что смогу, Прощайте!

Юный Эдвард степенно ушёл, добавив своим сообщением ко всему прочему ещё больше вопросов и неразберихи. Но каков малыш, – ведь он практически провёл собственное расследование!

И внутреннее чутьё подсказывало Поллаки, что нельзя просто отмахнуться от сообщения Эдварда про некий таинственный кристалл, – напротив, надо постараться найти неопровержимое подтверждение его словам. Возможно, тогда найдётся и ключ ко всей этой истории! Необходимо непременно разобраться и выяснить, какая существует связь между ограблением церкви и убийствами Генри и младенца. И хотя стало ясно, что здесь каким-то образом замешана ещё неизвестная пока особа женского пола, – это никак не проливало свет на происходящие события, а только порождало новые вопросы.

Поллаки начал просматривать принесённую книгу. Затёртый томик оказался мемуарами барона Роберта Генри Барлетта, изданными его сыном уже после смерти отца. Сюда же были включены письма барона к разным людям и несколько писем, адресованных ему самому. Издание вышло небольшим тиражом, всего сто экземпляров. Причем это было подарочное издание, не предназначенное для продажи. Ещё между страницами находились вырезки из старых газет, предусмотрительно вложенные в книгу Эдвардом. Поллаки открыл страницу наугад и углубился в чтение. Это было письмо к барону.

1820 год, 20 июня

Уважаемый барон Барлетт!

Несмотря на то, что прошло уже столько времени после того, как я имел счастье совершить с Марией Жозефиной такое замечательное путешествие в Гластонбэри графства Сомерсетшир, оно по-прежнему остаётся самым прекрасным и незабываемым событием в моей жизни. До сих пор я помню в мельчайших подробностях всё, что тогда произошло, и готов рассказывать об этом всё время, – особенно тем, кто остаётся в этом мире далёким от христианства и духовных ценностей. С тех пор что-то изменилось в моей душе безвозвратно и навсегда. Я отчётливо помню каждое слово проповеди Иосифа Аримафейского, призывающего всех к покаянию и смирению в сокрушенных сердцах. Тогда я поначалу смутился было, опасаясь не понять очень древний язык, но ГОСПОДЬ ПОСЛАЛ МНЕ СВОЁ ЧУДО, я всё понимал, и каждое слово проповеди глубоко врезалось в мою память.

А теперь я испытываю огромное сожаление и безмерную грусть оттого, что в наши дни от столь величественного аббатства сохранилось лишь пустая башня на вершине холма святого Михаила, – всего лишь как памятник старинной архитектуры. Недавно я снова посетил те места и с прежним благоговением воскресил в своей памяти каждую мелочь. И я по-прежнему убеждён, что Гластонбэри – это самое волшебное место нашей страны!

Я испытываю глубочайшую благодарность к Марии Жозефине и викарию нашего прихода за то, что благодаря им я при своей земной жизни смог постичь глубочайшую сакральную истину! Позвольте ещё раз поблагодарить Вас, ибо уже недолго осталось ждать мне перехода в иной мир.

Признательный Вам

Стефан де Карбс.

Ну и дела! Поллаки постарался собраться с мыслями и перечитал это странное письмо ещё раз. Он прекрасно понимал, что автор этого письма никак не мог встретиться с Иосифом Аримафейским, – родным дядей Иисуса Христа по плоти, – как, впрочем, и с любыми другими проповедниками раннего христианства, по одной простой причине – они жили в разное время, и их разделяет без малого девятнадцать веков! Но так же не вызывало сомнений и то, что человек пишет об этой встрече как очевидец событий! Поллаки перелистнул страницу. Итак, ещё одно письмо. На этот раз – ответное письмо барона, адресованное Стефану де Карбс.

1820 год, 20 декабря

Дорогой сэр!

Чрезвычайно признателен Вам за ваше письмо! Господь наш в великой милости своей дал мне несравненную приёмную дочь Марию Жозефину, которая явилась для меня нескончаемым источником благословения, но по причине моего слабого здоровья я уже не силах совершать с ней длительные поездки.

Совсем недавно мы с Марией Жозефиной помогли найти пропавшую десятилетнюю девочку Монику Робинсон. Полиция не смогла помочь в поисках отчаявшимся родителям, несмотря на все старания и обещанное вознаграждение, а Мария Жозефина разыскала бедняжку на табачных плантациях Америки, куда девочку после похищения продали в рабство. Сейчас мать и отец несчастного ребёнка отправились туда за своей дочерью.

Ещё я верю, что Бог помогает Марии Жозефине, снимать – казалось бы, без всяких усилий, – мои ужасные боли в спине! А совсем недавно она сказала мне, что хочет создать некий кристалл, помогающий своими свойствами безнадежно больным людям. Я горячо верю, что у неё это получится! Потому что я давно убедился в том, что она никогда не ошибается, и ей дано гораздо больше талантов и способностей, чем всем остальным людям. Мне всегда несказанно приятно видеть её, особенно теперь, когда всё вокруг разрушается и умирает. Её неувядающая свежесть и вечная молодость, кажется, вливают в меня силы больше, чем все прочие процедуры. Благодаря её лечению я смог полностью отказаться от лекарств и докторов. Моё чудесное исцеление считаю полностью её заслугой! Прошу Вас не забывать обо мне и писать мне почаще.

Признательный Вам

Роберт Генри Барлетт.

Поллаки ещё несколько раз перечитал написанное. Нет, нет и нет! Что за ерунда! В это невозможно поверить! Но, бесспорно, надо будет навести справки об этом семействе. Ведь у барона были же ещё дети! Правда, все они уже умерли, судя по табличкам в семейном склепе. Кроме того, Игнатиусу было известно об истории пропавшей Моники Робинсон. Он читал, что тогда, больше сорока лет назад, дело было закрыто и поставлено в разряд нераскрытых преступлений. О том, что девочка всё-таки была найдена, он узнал только сейчас. Так как же это удалось сделать Марии Жозефине? Вопросов много, а ответов нет. Если она ещё жива, – а это скоро выяснится, – то найти её не составит труда. Лет ей, конечно, уже должно быть немало, и весьма вероятно, что от старости она уже выжила из ума, но он встречал на своём веку и таких стариков, которые сохранили прекрасную память и ясный рассудок, несмотря на очень почтенный возраст. Так что будем надеяться на благоприятный исход встречи!

До позднего вечера Поллаки писал различные запросы, а наутро поспешил на встречу со священником. Священник Вильям Маккан встретил сыщика собранно и деловито. Он был уверен, что Поллаки не замедлит явиться сюда с визитом, и потому уже поджидал прославленного детектива. Как человек, привыкший ценить время своё и чужое, он сразу же пригласил Поллаки пройти в церковь, чтобы поговорить с ним в спокойной обстановке.

– Я готов ответить на любые Ваши вопросы, мистер Поллаки, но если Вы подозреваете меня в причастности к преступлению, то сразу хочу сказать: моя совесть перед Богом чиста, и мне нечего скрывать!

– По долгу своей службы, мистер Маккан, я обязан подозревать всех и каждого до тех пор, пока их невиновность будет доказана. Но сегодняшний мой визит не имеет к Вам лично никакого отношения. Тем более что я абсолютно уверен в вашей невиновности! Расскажите мне, пожалуйста, о бриллианте, что был украден из вашей церкви той памятной ночью.

Священник немного смутился, ненадолго задумался и не спеша стал рассказывать всё, что ему было известно об этом.

– Видите ли, сэр, я не знаю всех подробностей появления этого бриллианта в церкви, но полагаю, что подлинную правду можно узнать только из завещания покойного викария Джеймса Кримвода, так как именно он был его обладателем. Одно мне известно наверняка, – он завещал вставить этот бриллиант в посох Святого Павла, как только деревянная статуя святого будет готова и установлена в церкви. А во всём остальном – эта история настолько обросла досужими вымыслами, не имеющими доказательств, что добраться до истины будет очень сложно!

– Да, Вы правы. Допустим, что это так. Однако выглядит очень странным то, что весьма небогатый священник обладал редким бриллиантом огромной стоимости, и никто, – никто! – не знает, откуда он у него появился. И почему он завещал церкви этот бесценный бриллиант? Просто скажите, мистер Маккан, – что Вы сами думаете по этому поводу?

– Я думаю, мистер Поллаки, что люди просто напридумывали себе разные легенды по поводу появления бриллианта в церкви, но уверенно могу сказать только о том, что мне известно по факту. Это был не обычный – в нашем с вами понимании – бриллиант. Это было уникальное *изделие*, и человек, создавший его, был гением от самого Господа, хотя многие со мной могут не согласиться в этом. Но это именно так!

Первоначально этот фантастический бриллиант был цельной конструкцией, состоящей из трёх частей, но только одна из них была завещана церкви. А почему так случилось, мне неизвестно.

– Вот, посмотрите сюда, – с этими словами святой отец взял кусочек мела и стал рисовать на скамейке. – Это была форма яйца, которое подобно бутону цветка покоилось в окружении двенадцати лепестков. Яйцо это складывалось из трёх частей, символизирующих святую Троицу. И когда все три части сходились, то внутри яйца отчётливо просматривался лик Христа. Само яйцо символизировало вечного Бога, начало всех начал. Свет, который излучал бриллиант, даже находясь в сплошной темноте, символизировал силу Святого Духа. А двенадцать лепестков – означали двенадцать апостолов вокруг Иисуса. При жизни викария эта реликвия находилась в церкви в первозданном виде, целиком. Это было потрясающее по своей силе воздействия произведение рук человеческих! Никогда не уставал я смотреть на это чудо, как и многие другие люди. От этого бриллианта исходила поистине божественная благодать! Очень многие уверовали в Господа нашего и Сына Его, лишь однажды увидев это божественное творение! Стоило только лучу солнца или пламени свечи осветить этот бриллиант, как вас словно наяву пронизывал живой взгляд Христа во всей Его Славе. И одного этого взгляда хватало, чтобы утвердить человека в истине. Потом бриллиант был вделан в жезл викария, да только он не успел им воспользоваться, – он занемог, слёг, а совсем вскоре скорострительно скончался.

– Но неужели Вам самому не было интересно узнать тайну происхождения такой уникальной вещи?

– Конечно же, у меня такое желание возникало, и не один раз. Но многого мне выяснить не удалось. Видите ли, я пришёл сюда на службу, когда жезл викария уже был украшен этим бриллиантом.

– Да, да! Я в курсе этого. Ну что же, мистер Маккан, благодарю Вас за интересный рассказ. А теперь мне бы хотелось увидеться с епископом. Он сейчас у себя?

– Пока нет, но должен быть примерно через час. Если желаете, можете подождать его здесь.

С этими словами святой отец, распрощавшись, удалился по своим делам. А Поллаки, пользуясь свободным временем, решил походить по церкви и хорошенько всё осмотреть. Внимательно изучив всё внутри, Игнатиус вышел из церкви, чтобы произвести тщательный наружный осмотр. Вскоре из-за монастырских развалин показался капеллан и, приблизившись к сыщику, пригласил его к епископу Элиоту Хопкинсу. Епископ вышел им навстречу и прямо на кладбищенской дорожке, – одним жестом руки отпустив капеллана, – начал разговор сразу по существу:

– Доброе утро, мистер Поллаки! У меня, к сожалению, очень мало времени, поэтому прошу Вас говорить конкретно по делу. Давайте присядем здесь, – кивком головы он указал на красивую старинную ажурную скамью, – и я Вас слушаю!

Как приятно было после палящих солнечных лучей оказаться в тени цветущих липовых деревьев с их неповторимым медовым ароматом!

– Доброе утро, мистер Хопкинс! Благодарю Вас за эту встречу! Вопросов у меня к Вам будет немного, так как некоторые непонятные моменты я уже выяснил у священника.

Епископ согласно кивнул.

– Так вот, во-первых, меня интересует копия завещания покойного викария. И во-вторых, известно ли Вам, как появилась у него бриллиантовая реликвия невероятно огромной стоимости? Ведь Вы знали его при жизни, поэтому, может быть, Вам что-нибудь известно об этом?

Элиот Хопкинс глубоко задумался, погрузившись в воспоминания, а потом медленно начал своё повествование:

– Мистер Поллаки, я глубоко уважал покойного викария. Он был преданным служителем церкви, истинным пастырем овец Христовых! Но даже для меня, – человека, знавшего его не понаслышке, – и то некоторые стороны его жизни остаются неразгаданной загадкой. Семьи у викария никогда не было, это факт. При этом по характеру он был очень активным, очень доброжелательным и любознательным и человеком. Думаю, что по всем этим причинам он и подружился с бароном Робертом Генри Барлеттом.

Про барона говорили, что он постоянно проводил различные опыты в своей лаборатории и много времени посвящал анатомическим исследованиям. С именем барона связан один весьма любопытный факт: у сэра Барлетта была приёмная дочь, которой викарий стал крестным отцом. Об этом событии сохранилась запись в церковном архиве. И конечно, викарий всегда сам исповедовал эту девочку. Её звали Мария Жозефина Барлетт. Мне не известны причины, по которым барон решил удочерить её, – ведь у него уже были дети! НО! Это именно она принесла викарию редкостную бриллиантовую реликвию, – хотя, поверьте, я не знаю, как она у неё оказалась. Последние годы викария мучали сердечные приступы, и однажды ночью ему стало совсем плохо. Предчувствуя свою кончину, он распорядился позвать нотариуса. В ту ночь я был при нём, и он настойчиво попросил меня сжечь в камине всю его переписку. Вы понимаете, что таким образом были уничтожены все его тайны, которые у него без сомнения были. Иначе – зачем перед лицом вечности беспокоиться о старых письмах? Едва прибыл нотариус и завещание было подписано, как через десять минут успокоившийся викарий тихо отошёл к Господу. Копия завещания хранится в церковном архиве. Я разыщу её и сразу же дам Вам знать.

– Очень Вам благодарен за эти сведения, мистер Хопкинс. И ещё скажите мне, пожалуйста, – Вам что-нибудь известно о дальнейшей судьбе Марии Жозефины?

– После смерти викария я ни разу её здесь не видел. Старый барон всегда приходил на воскресные проповеди, но самой девушки я больше никогда не встречал.

– Ещё раз благодарю Вас, святой отец! А теперь мне надо бы поговорить со сторожем Джорджем Патнеллом. Когда и где я могу увидеть его?

– Приходите вечером сюда же, он как раз заступает на службу.

– Спасибо за содержательную беседу, сэр! – Поллаки поднялся, заканчивая разговор. Пока к епископу вопросов больше не было.

Оставшись один, Игнатиус Пол Поллаки решил ещё раз не торопясь обойти всё это место.

– Выглядит слишком таинственно, – отметил он про себя, оглядывая руины давно разрушенного аббатства, где до настоящего времени уцелели только действующая церковь с часовней да небольшой уголок кладбища неподалёку от входа.

Сыщик мысленно вернулся к таинственной личности покойного викария. Похоже, шустрый старичок очень хорошо умел хранить тайны, – и свои, и чужие. И тут Поллаки вспомнил, кстати, об исчезнувшем дневнике барона, о котором говорил ему юный Эдвард. Неужели это исчезновение как-то связано с нынешними событиями? Отбросив все мысли о мистике, Поллаки устало присел на старинное каменное надгробие. На нём уже давно стёрлись все письмена, и разобрать что-либо было совершенно невозможно. На подножии отломившегося – а может быть, кем-то сбитого – креста сохранился только каменный якорь, обвитый каменной же верёвкой.

Перед взором Поллаки расстиралось разрушенное временем и забытое людьми старинное аббатство, куда в желании посвятить свою жизнь служению Богу уходили люди от мирских забот ещё в далёком седьмом веке! Неоднократно стгорали в огне войны деревянные постройки аббатства, и все его тайны были навечно погребены в густом дыму пожарищ. Вновь отстроенное в одиннадцатом веке аббатство, возрождённое в норманнском стиле, гордо простояло ещё не одно столетие, вплоть до последовавшего очередного варварского разрушения. Но благословенное место не прекратило своего существования и поныне. Величие давно минувших дней дышало тайной...

К одной из стен сохранившейся церкви несколько позже была пристроена небольшая часовня. А за аббатством открывался взору глубокий когда-то ров, прежде заполненный водой, а теперь сплошь заросший непроходимыми зарослями кустарника. Частично сохранились остатки каменных ступеней, спускающихся в глубину рва от бывшей тут прежде монастырской стены, от фундамента которой теперь осталась только разрушенная кирпичная кладка. В подземных ходах этого монастыря и нашли мальчики свою страшную находку... Через ров был виден кирпичный же арочный мост – на удивление хорошо сохранившийся. Он словно парил в воздухе, нависая над густыми зелёными зарослями, заполонившими глубокий ров. Однако, присмотревшись можно было заметить, что мост этот давным-давно заброшен и никем не используется. Поллаки даже вспомнил название этого моста, – «Дьявольский мост,» – название, как видно, совсем не романтическое и поэтическое... Сразу же за мостом начиналась старая, заброшенная, часть кладбища, место совершенно заросшее и непроходимое. Изредка там просматривались покосившиеся и совсем упавшие памятники из мрамора и гранита, говорившие о безвозвратно ушедшей галантной эпохе. В эту часть кладбища вела всего одна полужаросшая дорожка. Вдалеке, в той же стороне, виднелась уцелевшая от времени единственная стена стоявшей здесь когда-то английской крепости.

Мистер Поллаки достал карандаш, блокнот и как обычно – набросал план местности. Затем, погружённый в свои мысли, он решил отправиться в полицию, чтобы обсудить с Уизли Осборном полученные сведения.

Игнатиус вышел с кладбища и, наслаждаясь прекрасной погодой, решил немного пройтись и хорошенько обдумать новые обстоятельства, открывшиеся в этой непростой истории. Что-то подсказывало ему, что смерть малыша и смерть Генри Осборна – это два звена одной цепи, хотя всё очень даже может быть случайным совпадением. Хотя в действительности Игнатиус Пол Поллаки давно уже не верил ни в случайности, ни в совпадения! Поэтому всем своим обострившимся чутьём сыщика, – развитым до совершенства за долгие годы практики, – Поллаки сейчас понимал, что одновременное совпадение двух смертей и похищение бриллианта, – не случайно. Всё это части гораздо более обширной истории, в которой ему ещё предстояло разобраться. И связующее звено между этими частями – загадочное семейство барона Барлетт.

Инспектор Осборн был давним другом Поллаки и прежним его сослуживцем. Уизли торопливо что-то писал, потому поприветствовал вошедшего Поллаки лишь кивком головы и приветливым взмахом руки, не отрываясь от своего занятия. Поллаки сел и стал терпеливо ожидать, когда друг освободится. Закончив писать и быстро переговорив с несколькими посетителями, инспектор сразу обратился к Поллаки:

– Мистер Поллаки, я знаю, что Вы не очень охотно берётесь за расследование убийств, но без Вашей помощи нам сейчас не обойтись.

– Да, да, я понимаю. И полагаю, что в данном случае мы имеем дело не с простыми убийствами. Только что я был в церкви и начертил план всей той местности. Так вот, получается, что семья убитого ребёнка проживает недалеко от церкви и его родители регулярно её посещают. А вот юноша, тоже убитый на кладбище, проживал на Холливелстрит, что от кладбища несколько далековато. На первый взгляд эти две смерти между собой никак не связаны, но думаю, что связь между ними всё-таки есть.

– Почему Вы так думаете, мистер Поллаки?

– Пока это только мои предположения. Сейчас эти два дела объединяет один единственный момент – из церкви был похищен редкий бриллиант, прежде принадлежавший барону Барлетту. И почему-то именно в его склепе обнаруживается труп ребёнка.

– Да-а-а... Предполагать можно многое, уважаемый сыщик, но что Вы предлагаете?

– Я сегодня же отправлю агента проследить за сторожем этой церкви, он кажется мне очень подозрительным – во всех этих событиях. Потом следует как можно быстрее навести справки обо всех наследниках покойного барона, и ещё мне нужен адрес его приёмной дочери Марии Жозефины.

Инспектор с готовностью закивал головой, всем своим видом выражая готовность помочь Игнатиусу:

– Завтра же все данные будут у Вас на столе!

Поллаки вернулся в своё бюро, чтобы узнать, как продвигаются текущие дела. Но чтобы он ни делал, мысли о стороже не покидали его. К вечеру, взяв с собой толкового хорошего агента Джимми Фоксхолла, Поллаки вернулся к церкви.

Приказав агенту вести наблюдение неподалёку от сторожки Джорджа Патнелла, сам Поллаки подошёл к ней и постучал в массивную дверь. Сторож не спеша открыл её, с явным недовольством глядя на настырного сыщика. Он с кислой миной уставился на стоящего перед ним джентельмена и даже не потрудился скрыть своё недовольство при виде незваного посетителя. Однако на вежливое приветствие Игнатиуса ему всё-таки пришлось ответить:

– Добрый вечер, мистер Поллаки, – сквозь зубы произнёс Патнелл. – Мне тут сказали, что Вы снова хотите встретиться со мной. Только я уже всё рассказал и мне нечего к этому добавить.

С этими словами сторож вышел из своего домика и встал перед Поллаки, притворив за собой дверь и не приглашая его войти внутрь. Но Игнатиус не стал заострять на этом вни-

мание. В конце концов, он не в гости к Патнеллу пришёл, а задать несколько вопросов можно и здесь, стоя на свежем воздухе, а не в прокуренной закупоренной комнате:

– Добрый вечер, мистер Патнелл! У меня будет к Вам несколько вопросов, связанных с убийством Генри Косборна. Вы найдёте время поговорить со мной?

Сторож нехотя кивнул с кривой «улыбкой», что означало – так уж и быть, найду для тебя немного времени, задавай свои вопросы, прилипала!

– Тогда ещё раз расскажите мне подробно, с самого начала, – как Вы обнаружили мёртвое тело?

– Было два часа ночи. Шёл дождь. Я, как обычно, сидел в своей сторожке, когда внезапно услышал звук выстрела. Затем прозвучал второй выстрел. Я накинул плащ от дождя, взял фонарь и вышел. Сквозь шум дождя я расслышал удаляющийся лошадиный топот и скрип колёс. Я заспешил туда и крикнул: «Кто там?» Но мне никто не отозвался. Когда я подошёл ближе, то увидел лежащего на спине молодого человека с раскинутыми в стороны руками. Я сразу понял, что он мёртв, так как можно было видеть на его груди след от выстрела, и пуля прошла прямо в сердце. Убедившись в этом, я отправился на поиски ближайшего констебля, чтобы доложить об убийстве. Вот, собственно говоря, и всё. Больше мне рассказывать нечего.

– Благодарю Вас, мистер Патнелл. Постарайтесь вспомнить, – в ту дождливую ночь Вам не слышались какие-либо голоса, женские, или мужские? Или, может быть, Вы хотя бы мельком видели какого-либо человека? Или нескольких людей?

– Нет, сэр. Шум дождя и ветра заглушал все звуки. Только утром мне стало известно, что пропала церковная реликвия, знаменитый бриллиант. Все решили, что парень, которого я нашёл убитым, во время вечере́й службы спрятался где-то в церкви, а когда всё стихло, он спокойно забрал бриллиант и выбрался на крышу, чтобы уйти незамеченным. Вероятно, он был не один. Кто-то заранее подготовил повозку и уже ждал его с добычей, а дождавшись – застрелил воришку, забрал бриллиант и поспешно скрылся с места преступления.

– Да, пожалуй, в этом Вы правы, мистер Патнелл. Кто-то неизвестный намеренно убил парня.

Виноватый взгляд сторожа на мгновение вильнул в сторону, но для Поллаки этого мгновения было достаточно, и он снова почувствовал сильное недоверие к словам сторожа. Да, Генри Косборн был застрелен, но инспектор Джон Уизли уже проверил наличие оружия в церкви и ничего не обнаружил. А поскольку никакого оружия ни в церкви, ни в часовне, ни в сторожке Патнелла найдено не было, то и предъявить сторожу обвинение в убийстве было невозможно. Прибывший на место преступления дежурный констебль Марио Андреас первым осмотрел убитого и место убийства. И он со всей ответственностью уверял, что сторож в данном случае – вне подозрений, так как труп ещё не остыл, когда Патнелл его обнаружил. Ещё инспектор установил, что выстрелы были сделаны с очень близкого расстояния, почти в упор. Да и с какой стати сторожу убивать совершенно незнакомого ему Генри Косборна? Уже было установлено, что между ними не существовало никакой связи.

Поллаки поблагодарил сторожа и распрощался с ним. Но теперь все его предположения относительно Джорджа Патнелла переросли в твёрдую уверенность, что сторож очень даже замешан во всём этом деле. Осталось только выяснить, каким образом!

Теперь предстоял следующий этап работа – надо начинать разбираться с семейством барона Барлетта и всеми загадочными историями, связанными с этим непростым, по-видимому, семейством. Поллаки не очень любил дела, все участники которых уже переселились в мир иной. Он считал это неблагодарной работой, хотя при надобности приходится выполнять любые действия, независимо от того, нравится тебе это или нет. Но что поделаешь – Игнатиусу куда интереснее было иметь дело с живыми людьми!

Следующий день оказался для сыщика более плодотворным – пришло донесение от инспектора Уизли и была получена копия завещания покойного викария Джемса Кримвода.

Поллаки несколько раз внимательнейшим образом прочёл завещание. Из текста следовало, что с бриллиантом, полученным им в дар от Марии Жозефины и состоящим из трёх частей, он поступил следующим образом: одну часть он завещает церкви, а две другие передаёт постоянному церковному благотворителю и его жене, супругам Фреду и Эвелине Дрей.

Про семью барона написано было немного. Барон Роберт Генри Барлетт имел троих детей: дочь Изабеллу, 1782—1812, Лондон; сына Вильяма Джеймса, 1784—1842, Лондон; дочь Джесси, 1785—1853, Лондон, и приёмную дочь Марию Жозефину, 1787 года рождения, дата смерти не установлена, так как никаких свидетельств о её смерти найдено не было. Все дети барона умерли бездетными.

Про троих детей барона Поллаки не узнал из этого донесения ничего нового, так как даты рождения и смерти всех троих уже записал сам, когда побывал в склепе. А вот Мария Жозефина начинала интересовать его всё больше...

Получалось, что все потомки барона умерли в результате болезней, и в живых в настоящее время могла остаться только Мария Жозефина, которой сейчас должно быть семьдесят пять лет. Но её место жительства выяснить ничего не удалось, поскольку об этом просто *не нашлось ни одного документа*. Ещё удалось установить, что после смерти приёмного отца в октябре 1840 года Мария Жозефина отказалась от своей доли наследства в пользу родной дочери барона Джесси, которая на тот момент оставалась единственной живой из всех троих родных детей Барлетта, и сразу же после этого уехала в неизвестном направлении. Дальнейшие её следы затерялись. Инспектор Уизли Осборн обещал немедленно заняться поисками этой загадочной женщины.

Игнатиус задумался и по многолетней привычке начал зарисовывать схему родословной семейства Барлетт, перемежая её краткими, одному ему понятными записями. И не переставал размышлять о похищенной ценности. А картина складывалась такая, что неизвестный пока преступник, заполучив благополучно одну часть бриллианта, непременно постарается завладеть и оставшимися двумя, тем более что обе они находятся в одном месте. Требовалось немедленно связаться с семейством четы Дрей, чтобы предупредить их о возможной опасности и постараться оградить их от нападения.

Мистер Поллаки уведомил их о своём визите и сейчас ожидал ответа, нетерпеливо прохаживаясь по своему кабинету. Ему было известно, что супруги Дрей находятся в очень преклонном возрасте: главе семьи Фреду Дрей уже исполнилось восемьдесят шесть лет, а его жене Эвелин шёл восемьдесят четвёртый год. Так что неизвестно, чего можно ожидать от людей, находящихся в таких почтенных годах. Но ничего, встреча покажет, что к чему! Очень скоро прибыл посыльный и доставил Поллаки ответ. В короткой записке говорилось, что мистер Фред рад будет видеть у себя сыщика завтра утром и с радостью готов оказать любую посильную помощь. Ну что же, для начала всё складывалось весьма благоприятно!

Вечером в бюро неожиданно пришёл Эдвард Хорсни. Поллаки сразу же пригласил его присесть и предложил чашку чая.

– Добрый вечер, мистер Поллаки, – сдержанно поздоровался Эдвард.

– Добрый вечер, Эдвард. Ты принёс какие-то новости? – Поллаки с ожиданием смотрел на сосредоточенного мальчика.

– Не знаю, сэр. Может быть, это совсем не имеет отношения к делу, но я нашёл в кармане старого пиджака Генри Косборна вот этот сложенный листок. Посмотрите! – и Эдвард протянул Игнатиусу небольшой листочек, слегка помятый и затёртый на сгибе от долгого пребывания в кармане.

– А ты сам читал его?

– Да, сэр.

– И что ты об этом думаешь?

– Я думаю, сэр, что это план какого-то здания. Отдельно Генри зарисовал дорогу к этому зданию. Только непонятно, зачем. Но самое интересное и странное то, что на этом листке указана дата, – причём, это дата следующего дня после смерти Генри!

– Ты правильно сделал, Эдвард, что принёс мне эту находку. Я немедленно обследую указанное тут место. Я даже, кажется, догадываюсь, где оно находится. И это не совсем далеко, хоть и не очень близко.

– Хорошо, сэр. Тогда я пошёл?

– Да, Эдвард. Благодарю тебя.

– Может, ещё что-нибудь нужно узнать, мистер Поллаки? – уточнил Эдвард на прощание.

– Да, Эдвард, нам необходимо разыскать ту девушку, что была с Генри в последний вечер.

– Понял, сэр. Я постараюсь сделать всё возможное! – Эдвард, простившись с мистером Поллаки, вышел из конторы.

Для изучения местности Поллаки взял с собой двух расторопных агентов. Сначала они отправились на вокзал и на поезде поехали до конечной станции Восточного Лондона. Через час они были уже на месте. Изображенное на рисунке Генри здание было маленькой церковью периода раннего христианства. Когда-то это, по-видимому, была красивая изящная постройка, стоявшая высоко на холме и хорошо видная со всех сторон. А теперь от бывшего великолепия остались только остатки полуразвалившихся каменных стен, почти незаметных в острых скалах. Не без труда добравшись до развалин, все трое вошли в квадратный холл древней постройки. Вот тут-то и обнаружили они много интересного! Сразу бросалось в глаза недавнее присутствие людей на этом месте. Всё указывало на определённого рода действия! Посреди холла стоял стол из грубо обтёсанной каменной глыбы. А на полу вокруг этого примитивного стола чернели пятна и высохшие лужицы, происхождение которых не вызывало ни малейшего сомнения, – это была пролитая кровь! Получалось, что перед ними стоял не просто каменный стол, – это был жертвенник, которым пользовались совсем недавно! Через одну из обвалившихся стен, – где был когда-то дверной проём, выходивший на внутренний дворик, вымощенный камнем, – просматривался хорошо сохранившийся след от недавно горевшего тут большого костра, на котором, надо полагать, было сожжено тело жертвы. Все трое подумали об одном и том же и всем троим стало не по себе...

Игнатиус и оба его помощника молча собирали остатки обгоревших костей. Им уже, в общем-то, стало понятно, что здесь зарезали и принесли в жертву то ли быка, то ли корову. И они испытывали огромное облегчение оттого, что здесь не был убит человек. Затем они ещё раз тщательно заглянули во все уголки этого неприятного места, но ничего интересного обнаружить больше не удалось. Завершив работу, Поллаки с одним из агентов отправились в обратный путь, забрав с собой найденные «трофеи», а другого агента оставил наблюдать за развалинами до тех пор, пока он не пришлёт кого-нибудь на смену. Возникла мысль, что маленький Роберт Трантер мог быть убит здесь же, – только почему его не сожгли, как это жертвенное животное? На этот вопрос произвольно приходил один ответ: ищите женщину...

А на старом кладбище уже два дня агенты сменяли друг друга, но всё было бесполезно: ничего подозрительного за сторожем обнаружить не удавалось. Время уходило, и Поллаки чувствовал, что начинает нервничать. Он постарался взять себя в руки, сосредоточиться и подготовиться к предстоящему утру визиту в дом четы Дрей.

Семья Дрей занимала двухэтажный особняк викторианской эпохи. Вместе со стариками Фредом и Эвелин в доме проживали две их дочери, которые обе к настоящему времени уже

овдовели, и четверо внуков – по двое от каждой дочери. Ещё в доме жила уже много лет дальняя родственница миссис Дрей, шестидесятисемилетняя чопорная сухопарая дама, одинокая мисс Вэй. А также практически на правах родственницы проживала в этом семействе пожилая кухарка, имеющая юную помощницу, и лакей, почти одного возраста с хозяином. Получалось, что в общей сложности в особняке постоянно находилось двенадцать человек.

Мистер Дрей сам встретил мистера Поллаки. Приветливый старичок прямо-таки излучал доброжелательность и сразу предложил Игнатиусу подняться наверх. И Поллаки с удовольствием последовал за радушным хозяином по широким удобным ступеням. Гостеприимство хозяина ощущалось буквально во всём, и Поллаки было очень приятно находиться в этом доме. Мистер Дрей предложил сыщику остаться на утренний кофе, и Игнатиус не смог отказать добродушному хозяину. Бодрый старичок пригласил гостя поудобнее устраиваться в кресле и подвинул к нему коробку с сигарами, от чего Поллаки вежливо отказался, так как был некурящим. И вот, наконец-то, не спеша, оперируя известными фактами, Поллаки изложил цель своего визита.

Мистер Дрей выслушал всё, не перебивая и не задавая никаких вопросов. А затем с самым спокойным и благодушным видом ответил:

– По правде говоря, мистер Поллаки, все эти годы у нас не было проблем подобного рода. Оба подаренные нам бриллианты до сих пор хранятся в сейфе, – мистер Дрей подошёл к старинному бюро, выдвинул какой-то ящичек и стал искать нужные ключи. – Сейчас Вы сами сможете на них полюбоваться!

– Проблем не было, мистер Дрей, до кражи из церкви третьей части бриллианта. И я полагаю, что не одному только епископу известно о хранении у вас двух других частей реликвии покойного викария. Поэтому я попросил бы Вас проверить сохранность бриллиантов и постараться обезопасить себя, насколько это возможно.

Мистер Дрей открыл дверцу в стене и довольно долго старался открыть свой тайник. Наконец замки щёлкнули, и хозяин дома сначала выдвинул оттуда маленькую шкатулку, затем вынул из неё обшитую бархатом коробочку и медленным движением снял с коробочки крышку. Радужное сияние и искрящиеся переливы, исходящие из коробочки, как сказочное чудо вспыхнули в солнечном луче. Мистер Фред осторожно вытащил бриллианты из бархатного ложа и протянул Поллаки.

– Вот, смотрите!

При виде этой красоты Поллаки почувствовал некое смятение. Уж каких только драгоценностей не довелось ему повидать за все годы работы, но подобное он видел – впервые! Так и хотелось сказать, – воссиял Свет Божий... Поллаки, как зачарованный, всё смотрел и смотрел на это чудо! Всё смотрел и никак не мог отвести глаза, – словно неожиданный пронизывающий взгляд неоконченного лика Христа проходил сквозь всю его душу. Прекрасно творение Господа и Сына Его в славе...

Мистер Дрей стоял рядом и молча смотрел на замершего от восхищения сыщика. Он прекрасно понимал, что творится сейчас в душе этого человека! Затем он тихо произнёс:

– Это, мистер Поллаки, уникальная реликвия...

– Да, мистер Дрей, – Поллаки с усилием взял себя в руки и постарался придать своему лицу бесстрастное выражение, – просто я даже и вообразить не мог, насколько она прекрасна. Я пытался представить себе её стоимость, но она поистине бесценна.

Мистер Дрей аккуратно уложил бриллианты на прежнее место и тщательно запер сейф, говоря при этом:

– Очень редко и мало кому показывал я это сокровище, но то были чрезвычайные ситуации.

– Расскажите мне о них, мистер Дрей? – заинтересовался услышанным Поллаки.

Хозяин с готовностью согласился:

– Просто любопытным – я никогда не показывал Христа! Но были в моей жизни случаи, когда требовалась вера – для спасения жизни и исцеления, для уверовавших и раскаявшихся людей. Вы только что убедились, что в бриллианте заключена особая сила, – как если бы сам Иисус стоит рядом с тобой и исцеляет, обнимая тебя своей бесконечной любовью.

Поллаки слушал рассказ хозяина с огромным любопытством. При этом ему вспомнилось, как пару лет назад ему довелось расследовать преступление по факту кражи святынь из собора. И тогда он слышал почти такие же слова от расстроенного архиепископа, – и об исцелениях, и об оскорблённом чувстве верующих и о силе пропавших святынь, – но занятый исключительно только расследованием, он не вникал глубоко в эти слова. Сейчас же – в его душе что-то всколыхнулось, перевернулось и изменилось, – и Поллаки с трудом вернулся к своим вопросам, кое-как собравшись с мыслями.

– Мистер Дрей, Вы не могли бы рассказать мне об авторе этого дивного произведения искусства?

Мистер Дрей не спеша обрезал сигару, закурил и задумался, погрузившись в далёкие воспоминания.

– Вам это очень важно?

Поллаки лишь молча кивнул.

– Это произведение искусства – дело рук Марии Жозефины Барлетт, приёмной дочери покойного барона Барлетта. Именно она создала это уникальное изделие и подарила викарию в знак признательности за постоянную заботу о ней, за всю их многолетнюю дружбу... Могу сказать, что викарий Джеймс Кримвод был и моим другом тоже. И он хорошо знал, что этот бриллиант многим может помочь обрести веру в Христа, но не многие придут за исцелением в церковь. Он очень сокрушался по этому поводу! А я в ту пору работал капелланом при англиканской церкви Святой Марии и регулярно посещал многие религиозные организации, больницы тюрьмы и приюты. Вот тогда-то я и познакомился с Марией Жозефиной. А несколько позже это знакомство переросло в хорошие приятельские отношения, хотя она очень трудно сходилась с посторонними людьми.

Бывший капеллан замолчал, улыбнулся, и глаза его заблестели, – в них вспыхнула искра. Так случается, когда в памяти встают счастливые воспоминания давно прошедших дней! Теперь Поллаки решил уточнить детали и постарался незаметно перевести разговор в более конкретное русло:

– Простите, сэр, но не известно ли Вам, – где сейчас живёт Мария Жозефина?

– Нет, мистер Поллаки, – с сожалением отозвался мистер Дрей, – после смерти своего отца она исчезла, и я больше никогда о ней не слышал.

Поллаки кивнул головой и продолжил тему:

– А Вы не можете сказать, – почему её связывала такая близкая дружба с викарием?

– Джеймс Кримвод умел хранить секреты, мистер Поллаки! Но мне доподлинно известно, что он сам крестил эту девочку, и что она приёмная дочь барона. Хотя когда барон удочерил Марию Жозефину, у него к тому времени уже было трое своих детей. Мать её похоронена на том же кладбище, а об отце никому ничего не известно. – Мистер Дрей развёл руками, – Вот и всё, что я знаю!

– А какой Вам запомнилась Мария Жозефина?

Мистер Дрей немного помолчал, обдумывая ответ.

– Она была необычной девушкой, – не такой, каких мы видим повсюду. Пожалуй, её нельзя было назвать красавицей с классическими чертами лица, но в ней была просто бездна обаяния невероятной силы! В её лице улавливалась иногда какая-то асимметрия, некая аномалия – если можно так выразиться, – но затем это видение моментально ускользало, и Вы чувствовали, что просто невозможно противиться силе, исходящей от неё: она увлекала Вас

и целиком подчиняла себе, и Вам от этого становилось приятно и радостно! Она была очень обворожительной девушкой!

Внешне она выглядела неброско, – хорошего телосложения, но худощавая, невысокого роста. Одетая всегда была просто, без вычурности, хотя средства барона позволяли ей иметь более роскошные наряды. Барон для неё денег не жалел, – нет, не подумайте, ничего такого не было, – просто ей самой это было не нужно. Иногда, пообщавшись с ней, я ловил себя на какой-то крамольной мысли, что Мария Жозефина – почти не человеческое творение. Вот такая она была, эта девушка...

– А где-нибудь сохранились её портреты?

– Нет, сэр! Когда-то барон хотел заказать её миниатюрный портрет, но из этой затеи ничего не вышло. Она категорически запретила рисовать её! Так что не существует ни хороших портретов, ни лёгких набросков, – ничего этого нет! Даже и не ищите, всё равно не найдёте!

В дверь тихонько постучали, в комнату вошла миссис Дрей и с приветливой улыбкой пригласила всех к столу. Стол был накрыт для традиционного английского чаепития: яблочный пирог, булочки с корицей, молоко и, конечно же, изысканные сорта чая. Видимо, старики любили побаловать себя.

К столу вышли обе дочери пожилых супругов. Обе они были похожи на мать. Только старшая из сестёр, Сьюзен, казалась несколько щепетильной, сдержанной, и манерами напоминала тётку мисс Вэй, а младшая, Джейн, выглядела более общительной, открытой и сразу становилось понятно, как выглядела миссис Дрей, когда была моложе на несколько десятков лет. Младшее поколение этого семейства, – два молодых человека и две девушки, в возрасте от двадцати двух до двадцати восьми лет, – вели себя безукоризненно, и было видно, что все они очень любят бабушку с дедом. Это явствовало из ласковых взглядов, из заботливых жестов, это чувствовалось по интонации, с которой они обращались к старикам.

За столом прислуживала старая кухарка, сухонькая опрятная Элизабет Кромвелл, а помогал ей камердинер хозяина, восьмидесятидвухлетний Оливер Шервуд. Они уже столько лет жили в этом доме, что все относились к ним, как к членам семьи. А уж их преданность любому из домочадцев не подлежала ни малейшему сомнению! Камердинеру пришлось сегодня помогать кухарке, потому что по причине болезни отсутствовала её молодая помощница, Элис Хадсон. О ней все хорошо отзывались, – умная, расторопная, услужливая девушка с неизменно хорошим настроением, – но сейчас она лежала в своей комнате, так как её сильно лихорадило.

Находясь в семейном кругу и сидя за столом с этими милыми людьми, Поллаки, разумеется, принимал участие в общей беседе, но одновременно всё старался подметить, осмыслить и проанализировать.

Вернувшись в свою контору, Игнатиус распорядился первым делом установить круглосуточное наблюдение за домом семьи Дрей, поскольку бриллиант находился в доме, и Поллаки понимал, что всем членам этого дружного приветливого семейства грозит реальная опасность. Хотя, в общем-то, давнишнее наличие бриллианта в доме не было большой тайной для окружающих. Но теперь ситуация изменилась! Наверняка похититель скоро заявится сюда, – ведь не для того была выкрадена одна часть бриллиантовой реликвии, чтобы не попытаться завладеть и двумя другими! И если ради этого уже совершено одно убийство, то ясно, что никто не сможет стать для преступника преградой! Да, жизнь всех обитателей дома ставилась под угрозу. Во что бы то ни стало надо защитить Дреев от нападения, – и Поллаки разработал новый план...

Вернулся с суточного дежурства агент Джимми Фоксхолл. Ему удалось проследить за сторожем утром, когда тот, отработав ночь, отправился в местный паб. Там он сначала немного выпил, а потом встретился с каким-то человеком. Похоже, что это был его приятель. Сторож называл его Роем, или дорогим «мистером Смитом».

Фоксхолл расположился рядом с ними, поэтому хорошо слышал всю их беседу. Из дальнейшего разговора агент понял, что приятель сторожа хвалился своей новой работой у какого-то старьевщика-еврея на Холливелстрит. Старьевщик даже жильё ему предоставил за небольшую плату, он отвёл ему место на чердаке, – так что теперь Рою было, где отоспаться ночью, а днём он помогал хозяину разгребать горы пропылённых, изгрызенных мышами башмаков, кучи старых поношенных вещей и прочего домашнего скарба. Так что сейчас Рой был очень доволен своей жизнью, однако его вид – бегающие глазки и порывистые жесты – не вызывал у Джимми Фоксхолла ни малейшего доверия. Своё донесение агент закончил тем, что про этого Роя необходимо навести справки.

Поллаки сразу же послал телеграмму с запросом в центральное управление, и оттуда довольно быстро ответили, что у них на Роя Смита нет никакого компромата. Однако Игнатиуса в который раз посетила мысль, что почему-то в этой истории все дороги ведут на кладбище. Складывалось впечатление, что сторож просто выждал пару дней, пока уляжется вся суматоха, и спокойно встретился со своим приятелем. И не исключено, что этот Смит тоже замешан в происходящих делах. Поллаки всегда доверял своей интуиции, но, конечно, связь между всеми этими событиями ещё требовалось доказать! Но чего же выжидал сторож? Что и зачем ему было скрывать, если Рой такой же бедняк, каких везде полно?

И снова Поллаки перенёсся мысленно в старую церковь и попытался представить, как совершалось преступление. Вот Генри Косборн ловко спрятался в церкви... вот наступила ночь, и он с бьющимся сердцем полез за бриллиантом – ведь до сих пор он был честным малым, он не был вором... вот, наконец, он выбирается на крышу со стороны разрушенной стены аббатства, всем сердцем желая поскорее покончить со всем этим... вот он уже перебрался на крышу часовни... На этом моменте мысли Поллаки споткнулись, – а вот здесь возникала некоторая странность! Дело в том, что оттуда слишком трудно было упасть, практически невозможно, – потому что крыша часовни была достаточно широкая и совершенно плоская. Тем не менее, Генри упал с относительно небольшой высоты и сломал при падении ногу. Это было установлено при осмотре тела. Итак, что же было дальше? С открытым переломом ноги, превозмогая адскую боль, ползёт он к поджидавшему его экипажу, – и тут вдруг кто-то стреляет в него в упор. Кто? Генри убит, бриллиант исчез, а дождь полностью уничтожил все следы. Всё, точка!

В голове назойливо крутилась одна и та же мысль: как мог здоровый, физически сильный парень – так запросто упасть с ровной крыши, когда свалиться с неё невозможно, даже поскользнувшись! И кто забрал бриллиант? Наверняка тот, кто стрелял в него. Но кто? Немедленно надо было сделать обыск у этого сомнительного Роя. Только бы не спугнуть его раньше времени! И тут Поллаки осенила неожиданная идея!

Он вырвал листок из блокнота, сел за рабочий стол и быстро написал записку. Потом позвал свободного агента:

– Эту записку надо срочно доставить вот по этому адресу на Холливелстрит. Отдайте её только Эдварду и ни в коем случае никому другому!

Агент уже не раз видел у хозяина шустрого мальчишку, поэтому понятно кивнул и сразу же ушёл. В тот же день поздно вечером к Поллаки пришёл Эдвард.

– Вы хотели видеть меня, сэр?

– Да, Эдвард. Садись, пожалуйста! Есть одно дело, в котором мне нужна твоя помощь.

– Я к Вашим услугам, сэр.

– Слушай внимательно, Эдвард! На Холливелстрит – неподалёку от букинистической лавки, где ты работаешь – есть лавка старьевщика. Так вот, на днях туда устроился работать некий человек по имени Рой Смит. У полиции на него нет никаких зацепок, а мне необходимо знать, где он жил и работал до того, как стал работать в тряпичной лавке.

– То есть, Вы хотите выяснить, – где он был в ночь убийства Генри? – уточнил сообразительный Эдвард.

– Да, именно это я и хочу выяснить! Ты сможешь?

– Я постараюсь всё разузнать, сэр!

– Что же, тогда я жду тебя с новостями.

Эдвард распрощался и быстро ушёл, ведь было уже очень поздно.

А на следующее утро Поллаки поджидала тяжелая новость: ему доложили, что агент Фокс, наблюдавший за домом мистера Дрея, найден мёртвым, – его обнаружил агент Томпсон, когда пришёл ему на смену, – а бриллианты из сейфа исчезли! Произошло именно то, чего Игнатиус больше всего опасался! Спустя полчаса Поллаки уже был в кабинете инспектора.

– Выстрел произведён прямо в сердце, как и при убийстве Генри Косборна. И тоже дважды, и тоже в упор. Действовала та же рука, – прокомментировал инспектор без всякого вступления.

– Вы хорошо осмотрели место происшествия?

– Да. Со мной были ещё два сержанта. Убийство произошло ночью, буквально через три часа после того, как Фокс заступил на пост. По-видимому, он знал убийцу, потому что без боязни впустил пришедшего к нему человека. Об этом говорит отсутствие на двери следов взлома и полнейшее отсутствие следов борьбы в комнате. Когда этот неизвестный зашёл, – вероятно, завязался разговор, и наш агент без опаски спокойно сел в кресло. А как только он сел, вошедший неожиданно выхватил пистолет и выстрелил ему в грудь с очень близкого расстояния. Ни свидетелей, ни следов борьбы, ни одного вещественного доказательства. Вообще ничего!

– Неужели даже выстрелов никто не слышал?

– Никто, уже всех соседей опросили. Хозяева дома, в котором мы снимали комнату для агента, в этот вечер были в отъезде. Я уже говорил, что его нашёл утром другой агент, Томпсон, пришедший сменить Фокса. Томпсона сразу насторожило то, что входная дверь была не заперта. Такого не должно было быть! Войдя в комнату, он увидел уже холодный труп.

– Странно, – недоумевая, произнёс Поллаки, – ведь я никого не посвящал в план относительно наблюдения за домом Дрея. Как же такое могло случиться? – он пристально посмотрел на инспектора.

– Согласен. Это самый непонятный момент в этой ужасной истории, мистер Поллаки, – озабоченно произнёс инспектор, и брови его нахмурились.

Поллаки мысленно перебрал всех агентов в своём бюро. Он знал их долгие годы и мог поручиться за любого! Инспектор думал о том же. Неужели за ними всё время кто-то следит? Поллаки понял, что он на верном пути и, вероятно, уже близка развязка, раз преступник решился на такой отчаянный шаг. Надо продолжать расследование, даже несмотря на неудачи и потери.

– Расскажите мне, Уизли, как стало известно о пропаже бриллиантов мистера Дрея?

– Практически сразу после обнаружения трупа. Он сам пришёл в местный полицейский участок и заявил о пропаже. Он был очень расстроен, но рассказал, что проснувшись поутру – первое, что он увидел, – это распахнутая дверца сейфа. Причём, сейф был открыт ключом, который торчал из замочной скважины. Шкатулка с бриллиантами, конечно же, исчезла! При осмотре было установлено, что комнатное окно открыто, и вдобавок выяснилось, что его с вечера не закрывали. Похоже, что похититель легко спрыгнул на мягкую клумбу под окном

и спокойно ушёл, так как ему ничто не препятствовало. На клумбе в нескольких местах хорошо видны чёткие следы обуви от башмаков большого размера. В доме ни с одной парой мужской обуви эти отпечатки не совпадают.

– Вы не находите, что убийство нашего агента и кража в доме мистера Дрея связаны между собой?

– Я в этом абсолютно уверен!

– Видимо, преступник давно готовился к похищению. А тут так некстати наш агент! Дело принимало такой оборот, что для того, чтобы совершить кражу, надо было прежде убрать свидетеля. Единственного, заметьте!

– Поскольку за каждым нашим шагом следят, дорогой Уизли, – коротко бросил Поллак, – мне надо обдумать другие варианты наших действий. Я не могу так рисковать людьми!

– И что мы теперь будем делать?

– Пока трудно сказать. Поскольку вор и убийца уже заполучил все части бриллианта, ему больше нет смысла хоть как-то проявлять себя. На этот раз он нас опередил. Итак: бриллианты похищены, мы потеряли человека, и дело не сдвинулось с мёртвой точки, – холодно и жёстко подвёл невесёлый итог Поллаки.

Удручённый инспектор только молча кивал головой, соглашаясь с этими словами.

– Я теперь очень надеюсь только на Вашу помощь в поимке преступника, мистер Поллаки, и окажу Вам во всём полнейшее содействие.

Говорить больше было не о чем, Поллаки встал и тяжелой шаркающей походкой вышел из кабинета инспектора. Его давил и буквально прижимал к земле груз какой-то непоправимой совершенной ошибки, за которую заплатилась жизнью весельчак и балагур Фокс. Теперь вот как-то надо будет сообщить об этом его жене, а ведь у них только что родился второй ребёнок! Кто ответит за *эту* смерть? Требуется срочно что-то предпринять. Но что? Ведь он же старался предупредить мистера Дрея о возможном похищении, он просил принимать все меры предосторожности, – а тут такое легкомыслие, как оставленное на ночь открытое окно! Конечно, семья привыкла жить свободно, ничего не опасаясь, но ведь это был исключительный случай, и им всем следовало быть повнимательней. На сей раз вор оказался изворотливее, тем более что ему особо никто и не мешал!

Едва Поллаки открыл дверь в своё бюро, как сразу увидел, что там его уже с нетерпением ждёт Эдвард. Несмотря на своё угнетённое состояние и совершенно мерзкое настроение, Игнатius обрадовался приходу этого старательного мальчугана. Вот кто совершенно бескорыстно помогал ему, по-детски наивно веря, что знаменитый сыщик может совершить чудо!

– Добрый день, мистер Поллаки!

– Привет, Эдвард! Ты что-то хочешь мне сообщить?

– Я всё сделал, как Вы сказали. Я пришёл в лавку старьевщика и как бы невзначай поболтал немного с этим типом, Роем Смитом. Поначалу он был не очень-то разговорчивый, но после пинты пива у него язык немного развязался. Вот он и рассказал мне, что ещё совсем недавно он был бездомным. Потом его из жалости приютил в церкви тайком от всех его друг-собутыльник, который работает там сторожем. Ну а теперь он нашёл себе хорошую работу у старьевщика и живёт у него же в мансарде.

При этих словах Поллаки напрягся, он вспомнил неприятный табачный запах на церковном чердаке. Запах был очень слабым, едва уловимым, – но его там вообще не должно было быть! Так вот, значит, откуда этот запах... А он-то тогда решил, что это сторож время от времени выбирается на чердак, – чтобы не мокнуть под дождём в непогоду или сменить духоту своей каморки на приятный свежий сквознячок чердака! Тем более что из чердачного окна был

хороший обзор! Теперь Игнатиусу стало понятно, почему Патнелл то и дело путался в ответах и давал такие невнятные показания.

– Эдвард, а Рой не упомянул в разговоре, – как долго он жил при церкви?

– Я это выяснил, сэр! Он ушёл из церкви в то самое время, когда убили Генри Косборна.

Больше узнать ничего не удалось.

Поллаки с облегчением вздохнул:

– Спасибо, Эдвард! Ты мне очень помог. Теперь многое прояснилось!

Эдвард радостно встрепенулся:

– Правда, сэр? Вы и в самом деле считаете, что это он убил Генри?

– Нет, Эдвард. Он не убивал Генри, но он вполне мог видеть, кто это сделал.

– А Вы будете его допрашивать, мистер Поллаки?

– Надо бы! Хотя это тяжкая неблагодарная работа. Он может перепугаться, что его собираются обвинить в убийстве, – и не скажет ничего!

– Что же тогда делать, мистер Поллаки? – забеспокоился Эдвард.

Поллаки на мгновение задумался, а затем смутная догадка переросла в уверенность! Сердце сыщика встрепенулось, и интуиция тут же отозвалась: «Правильно мыслишь! Вот теперь ты на верном пути!»

– Вот что, Эдвард. Ты с Роем ещё встретишься?

– Да, сэр. Я обещал ещё угостить его пивом.

– Эдвард, постарайся на этот раз встретиться с ним в его мансарде. А там хорошенько рассмотри его жилище, запомни всё, что ты там увидишь, а потом расскажешь мне. Договорились?

– Не сомневайтесь, сэр! Я завтра же Вам всё расскажу!

С этими словами серьёзный мальчуган деловито распрощался с Поллаки и быстро ушёл. Из мальчишки получится толк: толковый, расторопный, не по годам сообразительный, – эта мысль промелькнула в голове сыщика, пока он смотрел вслед удаляющемуся Эдварду.

Игнатиус доверял своей интуиции, за все годы она ни разу не подвела его! Вот и сегодня внутреннее чутьё настойчиво говорило, что ему уже послан тот маленький ключик, который сможет открыть большие тайны. Лишь бы не допустить опрометчивых шагов! Сейчас надо вести себя крайне осторожно! Поллаки погрузился в размышления. Его не покидало ощущение того, что если бы не чья-то излишняя осведомлённость, то всё было бы уже давным-давно раскрыто и известно! И это чувство не давало покоя! Но самым неприятным было то, что этот кто-то, излишне осведомлённый, явно был из своих! Из тех, кто рядом, из тех, кому он доверял...

С места жертвоприношений новостей не было никаких, и Поллаки уже подумывал снять оттуда наблюдение. Тем более что об установленном наблюдении знали многие (разумеется, из своих!), поэтому злоумышленнику об этом тоже, наверняка, уже стало известно, и навряд ли он сейчас рискнёт появиться в тех развалинах.

На протяжении всего следствия тайный соглядатай работал исправно. Но как ни пытался Поллаки вычислить осведомителя среди своего ближайшего окружения, – вся его душа восставала против этого! Тогда он пришёл к неожиданному выводу, – в таком случае вражеским лазутчиком в их рядах может быть только человек из центральной полиции! Но пока он решил ни с кем свои догадки не обсуждать. Надо было кое-что проверить...

А сейчас непременно и безотлагательно следовало арестовать церковного сторожа и его бездомного приятеля, которого он так старательно выгораживал! Даже если они ни не имеют никакого отношения к ограблению и убийству – всё равно необходимо разобраться в их истории, так как длительное незаконное нахождение Роя Смита в церкви – это уже нарушение! Для

ареста было достаточно показаний Эдварда. Теперь события прорисовывались более отчётливо: разумеется, что после убийства Генри – Рой не мог больше оставаться в своём убежище под церковной крышей, он был просто вынужден исчезнуть оттуда. Поллаки хорошо разобрался в людях и поэтому в данном случае он был уверен, что ни Джордж Патнелл, ни Рой Смит – не способны на столь хладнокровное убийство. Хотя – порой люди бывают способны на такие поступки, что сами себе потом не верят, – как я мог сделать такое? Конечно, моральные качества этих двоих были весьма сомнительными, но убить – вряд ли, вряд ли...

Если ещё до убийства агента Фокса, наблюдавшего за домом Дрея, можно было бы обвинить в преступлении и Смита, и Патнелла, то теперь становилось очевидным, что это не так. Однако прежде, чем принять окончательное решение, Поллаки решил дождаться завтрашнего донесения Эварда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.